

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.3.128>

ЗАЩИТА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. ЧАСТЬ 2

© Кнаус О. П.¹, Кузнецов Е. В.², Ступницкий А. Е.^{3,4}, 2026

¹ Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

³ Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Иркутск, Россия

⁴ Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск, Россия

Во второй части статьи продолжается комплексное исследование правовых, организационных и тактических основ защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Обосновывается положение о том, что посягательство на жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловую репутацию, персональные данные и служебную информацию сотрудника полиции представляет собой не частный конфликт, а форму воздействия на механизм публичной власти. На основе нормативных правовых актов МВД России, ведомственного аналитического обзора ГУСБ МВД России за 2025 г., статистики и примеров российской судебной практики показано, что действующая модель защиты носит фрагментарный характер: уголовно-правовые механизмы развиты значительно лучше, чем гражданско-правовая, цифровая и институциональная защита от дискредитации. Особое внимание уделено субъектам защиты внутри системы МВД России, криминологической и криминалистической характеристике угрозоносителей, проблеме некомплекта кадров, а также зарубежному опыту США, Великобритании, Франции и Израиля. В завершение сформулированы конкретные предложения правового, организационного и тактического характера.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, собственная безопасность, защита чести и достоинства, деловая репутация, некомплект кадров, государственная защита, цифровые угрозы, дипфейки, преступления против порядка управления, характеристика преступления против порядка управления, статьи 317–319 УК РФ, угрозоносители, меры безопасности.

PROTECTION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR IN ENSURING THE FUNCTIONING OF STATE POWER: A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH. PART 2

© Knaus O. P.¹, Kuznetsov E. V.², Stupnitskiy A. E.^{3,4}, 2026

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

³ Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation

⁴ East Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation

The second part of the article continues the comprehensive study of the legal, organizational and tactical foundations for the protection of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The article substantiates the position that encroachment on the life, health, honor, dignity, business reputation, personal data and official information of a police officer is not a private conflict, but a form of influence on the mechanism of public power. Based on the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the departmental analytical review of the State Security Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2025, statistics and examples of Russian judicial practice, it is shown that the current model of protection is fragmented: criminal law mechanisms are much better developed than civil, digital and institutional protection against defamation. Special attention is paid to the subjects of protection within the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, criminological and criminalistic characteristics of threat carriers, the problem of shortage of personnel, as well as the foreign experience of the USA, Great Britain, France and Israel. In conclusion, specific proposals of a legal, organizational and tactical nature are formulated.

Keywords: employees of internal affairs bodies, personal security, protection of honor and dignity, business reputation, lack of personnel, state protection, digital threats, deepfakes, crimes against the order of management, characteristics of crimes against the order of management, articles 317-319 of the Criminal Code of the Russian Federation, threat carriers, security measures.

Введение

В первой части исследования был обоснован тезис о том, что защита сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) представляет собой не частную гарантию, а самостоятельный фактор обеспечения функционирования государственной власти. Показано, что посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловую репутацию и персональные данные сотрудника полиции имеют публично-правовую природу, поскольку направлены на дискредитацию и дестабилизацию института публичного управления. Анализ нормативной базы, ведомственных актов и судебной практики выявил фрагментарный характер действующей модели защиты: уголовно-правовые механизмы развиты значительно лучше, чем гражданско-правовая, цифровая и институциональная защита от дискредитации. Установлено, что ключевой проблемой остается отсутствие обязательного процессуального представительства интересов сотрудника со стороны государственного органа, что вынуждает его действовать в суде как самостоятельный истец.

Для углубленного понимания природы и путей совершенствования рассматриваемого института далее необходимо раскрыть субъектно-объектную структуру защиты сотрудников ОВД, дать криминологическую и криминалистическую характеристику основных групп угрозоносителей, а также изучить зарубежный опыт защиты должностных лиц правоохранительных органов и их близких.

Материалы и методы исследования

Методология исследования раскрывается в первой части работы.

Результаты исследования

Изучение особенностей защиты сотрудников ОВД требует раскрытия видов и сущности ее субъектов и объектов. Обращаясь к субъектам защиты ОВД, под которыми нами понимаются должностные лица и их органы, прямо или опосредованно реализующие функцию по охране личных неимущественных благ конкретного сотрудника ОВД и обеспечивающие устойчивое функционирование данного органа, следует отметить, что их система носит мно-

гоуровневый характер. К числу основных субъектов логично отнести следующие структурные элементы МВД России и других государственных органов: оперативные подразделения собственной безопасности, правовые подразделения, кадровые подразделения, инспекцию по личному составу, подразделения информации и общественных связей, непосредственных руководителей ОВД, а также таких органов государственной власти, как органы предварительного следствия и дознания, прокуратура и суд [1, с. 5–7]. В предусмотренных законодательством в сфере защиты суда, а также сотрудников правоохранительных и контролирующих органов случаях – органы, осуществляющие государственную защиту. Каждый из указанных субъектов решает собственный сегмент задач, но в действительности их деятельность нередко, как показал опрос практических сотрудников, оказывается рассогласованной.

Наибольший акцент закономерно должен быть сделан на таких подразделениях, как отделы собственной безопасности МВД России (далее – ОСБ), чьей основной функцией и является защита сотрудников ОВД. Данные их аналитического обзора за 2025 г. показывают, что в рассматриваемый период ОСБ обеспечивали не только противодействие коррупции и должностным преступлениям, но и осуществляли мониторинг угроз, режимную защиту, контроль инженерно-технической укрепленности объектов, выявление утечек персональных данных и подготовку материалов для защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников и подразделений. Тем самым данное структурное подразделение МВД России выступает узловым субъектом защиты, соединяющим превенцию, аналитическую работу и сопровождение конкретных инцидентов.

Вместе с тем у подразделений собственной безопасности есть и очевидные ограничения. Во-первых, их фактические ресурсы в условиях некомплекта кадров и высокой нагрузки ограничены. Во-вторых, ОСБ объективно сосредоточены на внутренних угрозах – коррупции в рядах сотрудников ведомства и иных служебных преступлениях, нарушении режима секретности, тогда как цифровая дискредитация, массированные информационные атаки и

доксинг в сети Интернет¹ требуют иных тактических алгоритмов и тесного взаимодействия с правовыми подразделениями, специалистами по OSINT² и службами информационной безопасности. В-третьих, даже при наличии собранного материала ОСБ не всегда доводят ситуацию до институционального представительства интересов сотрудника в суде, что связано, как отметили некоторые опрошенные сотрудники, с несовершенством работы иных подразделений и служб ОВД и других правоохранительных органов.

Опрос сотрудников показал, что проблемы наблюдаются и в деятельности правовых подразделений ОВД. Приказ МВД России № 850 предусматривает их консультативную, методическую и практическую помощь, включая участие подразделения МВД России в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, при рассмотрении гражданского дела по иску сотрудника. Однако такая модель не равна полноценной институциональной защите. В отличие от дел, где гражданин предъявляет требования к органу публичной власти и государственный орган обязан участвовать в процессе, сотрудник по спорам о защите чести и достоинства часто остается самостоятельным истцом. Это одно из наиболее уязвимых мест действующей модели.

Кадровые подразделения и инспекция по личному составу традиционно рассматриваются как субъекты внутренней профилактики, профессионального отбора и контроля дисциплины. Но именно они могли бы играть более существенную роль в дифференциации мер защиты по категориям сотрудников: участковые, оперативные сотрудники, сотрудники ГИБДД, ППС, конвойных и миграционных подразделений, следователи и дознаватели. В действующей практике такой дифференцированный стандарт почти отсутствует, а подготовка сотрудников к реагированию на дискредитационные и цифровые угрозы, как отмечается в некоторых исследованиях, носит эпизодический характер [2, с. 153–154; 3, с. 11]. Между тем исследования по проблемам кадрового обеспечения и профессиональной безопасности сотрудников МВД пока-

зывают, что универсальные меры не учитывают различие профессиональных рисков, интенсивность контакта с конфликтной средой и уровень виктимности разных категорий личного состава [7, с. 31–32]. Следовательно, без типологизации уязвимостей по видам службы кадровая и профилактическая работа неизбежно остается усредненной и менее эффективной.

Объекты защиты – это должностные лица ОВД и их близкие, в отношении которых необходимо принять меры по охране личных немущественных благ конкретного сотрудника ОВД, тем самым обеспечив устойчивое функционирование данного органа. Объектами являются не только сами сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие системы МВД России, но и члены их семей, близкие лица, а также деловая репутация подразделений. А. О. Губенков обоснованно показывает, что угрозы близким родственникам сотрудников нельзя сводить только к возможному физическому насилию; они включают незаконное слежение, давление через детей, публикацию адресов сотрудников и их близких, телефонный терроризм и психологическое воздействие через цифровые каналы [4, с. 18]. Практически это означает, что современная система государственной защиты должна расширяться от фигуры сотрудника к его микросоциальному окружению, что с учетом существенного некомплекта личного состава правоохранительных органов весьма затруднительно реализовать.

Для наглядности распределение основных субъектов защиты, их функционала и типичных проблем, выявленных на основе опроса практических сотрудников ОВД, можно представить в виде табл. 1.

Раскрытие теоретических основ защиты сотрудников ОВД требует выделения основных разновидностей угроз и описания особенностей самих угрозоносителей с опорой на криминологическую и криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых в отношении должностных лиц правоохранительных органов.

Для целей прикладного анализа угрозы в отношении сотрудников ОВД целесообразно разделить на четыре основные группы: 1) криминальные насильственные угрозы; 2) угрозы, связанные с профессиональной деятельностью и конфликтным правоприменением; 3) диффамационные и цифровые угрозы; 4) внутренние угрозы, исходящие от самих сотрудников и должностных лиц системы МВД России. Подобный подход согласуется с современными крими-

¹ Доксинг (согласно разъяснению специалистов Лаборатории Касперского) – это сбор и публикация в интернете чужих-либо личных данных без разрешения владельца. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-doxing?ysclid=mnmxmmnwt53613714> (дата обращения: 31.03.2026).

² OSINT (Open-source intelligence) – это сбор и анализ информации, полученной из разных общедоступных информационных каналов (разведка по открытым источникам). URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/osint-open-source-intelligence/35955/?ysclid=mnmx1gdph505281238> (дата обращения: 31.03.2026).

Таблица 1

Субъекты защиты сотрудников ОВД, их ключевые функции и типичные проблемы их реализации

Субъекты защиты	Ключевые функции субъектов защиты ОВД	Типичные проблемы, возникающие в деятельности субъектов защиты
Подразделения собственной безопасности	Выявление внутренних и внешних угроз безопасности МВД России посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий и информационно-аналитической работы, подготовка материалов, содержащих поводы и основания для применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц, непосредственная государственная защита сотрудников ОВД и их близких, контроль режима антитеррористической и информационной защищенности ОВД	Некомплект личного состава, перегрузка внутренними проверками и текущими материалами, недостаток единых алгоритмов по противодействию цифровой дискредитации сотрудников ОВД
Правовые подразделения	Консультирование, подготовка процессуальных документов, участие в судах	Часто сотрудники данного подразделения ограничиваются лишь консультацией вместо обязательного представительства интересов сотрудника
Кадровые подразделения	Профилактика правонарушений, учет кадровых рисков, оценка уязвимости отдельных категорий сотрудников	Недостаточная дифференциация мер защиты по категориям службы
Инспекция по личному составу	Выявление дисциплинарных проступков сотрудников ОВД, реагирование на нарушения дисциплины, служебные проверки	Смещение акцента с защиты сотрудника на внутренний контроль и привлечение сотрудников к дисциплинарной ответственности
Подразделения информации и общественных связей	Мониторинг СМИ и сети Интернет, подготовка опровержений и официальной позиции	Реакция часто запаздывает, отсутствует стандартный кризисный протокол
Следственные органы, прокуратура, суд	Уголовно-правовая и процессуальная защита, надзор за соблюдением законности, судебные контроль и отправление правосудия	Неоднородность практики, мягкость наказаний по части дел о насилии и оскорблении представителя власти

нологическими и криминалистическими исследованиями, в которых внешние насильственные, информационные и внутриорганизационные риски рассматриваются как самостоятельные, но взаимосвязанные блоки факторов виктимизации сотрудника правоохранительного органа [7, с. 18; 11, с. 76]. Такая классификация позволяет соотнести виды угроз с конкретными субъектами защиты, методами их нейтрализации и криминалистическими признаками.

Первая группа – криминальные насильственные угрозы. К ним относятся посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, применение насилия в отношении представителя власти, публичное оскорбление, угрозы, сопротивление, массовые нападения, преследование сотрудника и его близких. Судебная статистика показывает, что именно ст. 318 УК РФ остается базовым составом внешнего насилия против представителей власти. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. по ч. 1 ст. 318 УК РФ осуждено 7081 лицо, по ч. 2 – 561 лицо, по ст. 317 УК РФ – 32 лица, по

ст. 319 УК РФ – 2054 лица. При этом структура наказаний по ч. 1 ст. 318 УК РФ демонстрирует преобладание штрафов и условного осуждения: 3238 осужденным назначен штраф, 2279 – условное лишение свободы, тогда как реальное лишение свободы назначено 1006 лицам¹.

Криминологически для носителей данной группы угроз характерны: ситуативность деяния, высокий удельный вес алкогольного или наркотического опьянения, наличие предшествующего криминального опыта, низкая правовая социализация и демонстративно-конфликтная модель поведения. Как показал опрос практических сотрудников, посягательства на полицейских чаще всего совершаются в условиях непосредственного контакта с правонарушителем или различными участниками уголовного, административного или оперативно-разыскных процессов – при задержании, доставлении, составлении административного материала,

¹ Судебная статистика РФ. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2024 год. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 31.03.2026).

пресечении бытового конфликта, проверке документов или дорожного контроля. Следообразование типично включает видеозаписи с нагрудных регистраторов и камер наблюдения, телесные повреждения, следы борьбы, следовую картину на форменном обмундировании, биологические следы и показания очевидцев [9, с. 150–151].

Вторая группа – угрозы, связанные с профессиональной деятельностью и конфликтным правоприменением. Их источник – лица, в отношении которых сотрудник ранее реализовывал властные полномочия: проверял, задерживал, возбуждал дело, составлял протокол, ограничивал доступ, проводил оперативно-разыскные мероприятия, обеспечивал конвой, сопровождал исполнительные действия. Эти угрозы нередко носят пролонгированный характер, проявляясь уже после завершения правоохранительного акта (действия), т. е. после непосредственного контакта сотрудника ОВД с правонарушителем. Криминологически данная группа включает субъектов с устойчивой негативной установкой на государственную власть и персонализированным мотивом мести. Криминологически их отличает подготовительный этап: сбор сведений о сотруднике, наблюдение, попытки установления адреса и состава семьи, использование социальных сетей и мессенджеров [5, с. 52–53].

Третья группа – диффамационные и цифровые угрозы. Речь идет о распространении не соответствующих действительности сведений, публикации персональных данных, координированных кампаниях дискредитации, создании ложных аккаунтов, дипфейков, постановочных видеозаписей, ложных жалоб, а также массовом информационном давлении через мессенджеры и сетевые сообщества. Именно этот сегмент наиболее быстро развивается. Аналитический обзор ГУСБ МВД России за 2025 г. отдельно отмечает угрозы, связанные с распространением в СМИ и сети Интернет недостоверной информации под видом достоверной, а также с незаконным распространением сведений ограниченного доступа и персональных данных [1, с. 1, 6–8]. Европол в специальном докладе о *deepfakes* указывает, что технологии синтетического контента уже рассматриваются как инструмент организованной преступности и дезинформационных кампаний, а правоохранительным органам требуются новые возможности детекции и верификации цифрового контента [14, р. 10–12, 21].

Криминологическая характеристика носителей цифровых угроз отличается высокой вариативностью. Это могут быть ранее судимые лица, радикально настроенные блогеры, участники сетевых сообществ, лица, вовлеченные в локальные конфликты с полицией, а также профессиональные провокаторы, использующие медиаэффект для давления на конкретного сотрудника или подразделение. Криминологически ключевое значение приобретают IP-следы, данные о регистрации доменов и аккаунтов, метаданные файлов, временные корреляции публикаций, характер сетевого распространения сообщения и признаки машинной генерации изображения, аудио или видео. Е. З. Сидорова и Е. Г. Усов, анализируя современную цифровую преступность, обращают внимание на анонимность, масштабируемость, трансграничность и высокую скорость тиражирования цифрового контента как на свойства, резко повышающие уязвимость жертвы в информационном пространстве [11, с. 77; 12, с. 90–91]. И. Б. Чагин и О. А. Шабаева, в свою очередь, подчеркивают, что негативное информационное воздействие в сети способно вторгаться в личную и профессиональную сферу лица помимо его воли и требует специальных механизмов юридической защиты [13, с. 21]. Применительно к сотруднику ОВД это означает, что цифровая дискредитация уже не сводится к обычной клевете: она становится технологически усиленной формой давления на публичного служащего.

Четвертая группа – внутренние угрозы. Защита сотрудников ОВД была бы неполной, если игнорировать преступления и дисциплинарные проступки, совершаемые самими сотрудниками и компрометирующие службу. Ведомственный обзор фиксирует 517 преступлений, совершенных сотрудниками ОВД в 2025 г., а также широкий спектр должностных проступков [1, с. 2–4]. Внутренние угрозы разрушают доверие к институту защиты сотрудников, поскольку общество ожидает от государства не только охраны представителя власти, но и безусловной правовой оценки противоправного поведения самого представителя власти. В. А. Колокольцев в публичных выступлениях неоднократно связывал кадровую устойчивость и авторитет МВД с очищением системы от нарушителей и с неотвратимостью реагирования на коррупцию и иные злоупотребления¹. Сходную мысль развивают исследователи причин и условий коррупции в

¹ Колокольцев В. А. Указ. соч.

Таблица 2

Сводная криминологическая и криминалистическая характеристика основных групп угрозоносителей

Группа угрозоносителей	Криминологическая характеристика	Криминалистические признаки
Насильственные правонарушители	Ситуативная агрессия, опьянение, конфликт с представителем власти, нередко наличие криминального опыта	Следы борьбы, телесные повреждения, записи видеорегистраторов, следы на форменной одежде
Мстящие за служебные действия лица	Устойчивая негативная установка, мотив мести, повторный контакт после служебного конфликта	Подготовительный сбор сведений о сотруднике, незаконное слежение (физическое наблюдение), попытки установления адреса и данных членов семьи и других близких
Цифровые дискредитаторы	Анонимность, групповое сетевое поведение, медийный мотив, нередко отсутствие прямого контакта с потерпевшим	IP-следы, метаданные файлов, фейковые аккаунты, сетевые паттерны распространения, признаки дипфейка
Коррупцированные/девиантные инсайдеры	Использование служебного статуса, доступ к данным, конфликты интересов, снижение лояльности к службе	Следы несанкционированного доступа, утечка персональных данных, аномальная активность в ведомственных системах

ОВД: внутренняя девиация сотрудника снижает легитимность всех последующих мер внешней защиты, поскольку общество перестает различать законную профессиональную защиту и корпоративную солидарность [8, с. 43–44]. Поэтому субъект защиты должен действовать двуединым образом: жестко реагировать на нарушения внутри системы и не менее последовательно защищать сотрудника от внешних посягательств, когда тот действует законно.

Контент-анализ научной литературы и интервьюирование действующих сотрудников ОВД позволили выделить основные криминологические и криминалистические особенности различных групп угрозоносителей, отраженных в табл. 2.

Помимо данных социологического опроса сотрудников, приведенного выше, проблемы в сфере защиты сотрудников ОВД могут быть выявлены и на основе статистических сведений, а также материалов судебной практики.

Анализ статистических показателей, приведенных в ранее указанных обзорах судебной статистики, в сфере привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с применением насилия в отношении представителя власти, показывает неоднозначную картину. Так, при значительном числе осужденных по ст. 318 УК РФ структура наказаний демонстрирует высокую долю мягких санкций. В частности, из 7081 осужденного по ч. 1 ст. 318 УК РФ в 2024 г. штраф получили 3238 лиц, условное лишение свободы – 2279, реальное лишение свободы – 1006; по ст. 319 УК РФ при 2054 осужденных более половины понесли наказание в виде

штрафа, который был применен к 1122 лицам. Эти данные подтверждают тезис о недостаточной превентивной силе наказания по посягательствам на представителей власти. О. Н. Рябченко прямо указывает, что действующая пенализация преступлений, предусмотренных ст. 317 и 318 УК РФ, не всегда соразмерна повышенной общественной опасности нападения на представителей власти и не в полной мере обеспечивает цели общей превенции [10, с. 57–58]. С учетом этого представляется оправданным поставить вопрос о дополнительном ужесточении уголовной ответственности за наиболее опасные формы посягательств, предусмотренных ст. 317 УК РФ, а также о дополнении ст. 319 УК РФ квалифицирующими признаками – совершение оскорбления в период проведения контртеррористической операции или чрезвычайной ситуации, групповой характер деяния, совершение оскорбления в ходе следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий либо пресечения массовых беспорядков.

Показательным является апелляционное постановление по делу № 22-753/2024, где прокурор прямо ставил вопрос о том, что одновременные насилие и публичное оскорбление сотрудника полиции не могут поглощаться только составом ст. 318 УК РФ и требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 319 УК РФ¹. Данная позиция важна для практики, поскольку попытки поглощения оскорбления насилием фактически снижают уровень правовой

¹ Апелляционное постановление № 22-753/2024 от 5 февр. 2024 г. по делу о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Lwbi3zPkp8QW/> (дата обращения: 04.04.2026).

защиты сотрудника и искажают общественную опасность содеянного.

Не менее показательны приговоры, в которых насилие в отношении представителя власти влечет сравнительно мягкое наказание при наличии рецидива. Так, в одном из приговоров по ч. 1 ст. 318 УК РФ суд специально отметил непогашенную судимость виновного и признал рецидив отягчающим обстоятельством, однако это не исключило постановки вопроса о смягчении наказания¹. С точки зрения общей превенции подобная практика выглядит спорной: субъект, уже имеющий криминальный опыт, фактически убеждается в том, что насилие в отношении сотрудника полиции не влечет неотвратимого жесткого последствия.

Конституционный Суд РФ в определении от 25 апреля 2024 г. № 889-О подчеркнул, что ст. 319 УК РФ направлена на предупреждение недопустимых форм использования свободы слова и свободы распространения информации, выраженных в неприличной форме и посягающих на порядок управления и достоинство представителя власти². Это разъяснение особенно значимо в условиях роста онлайн-оскорблений, когда часть правоприменителей все еще склонна недооценивать общественную опасность цифровой формы публичного унижения представителя власти.

Практика гражданско-правовой защиты репутационных благ сотрудника полиции также демонстрирует системную проблему. В решении по делу Стенькина, на которое обращено внимание в открытых судебных материалах, суд рассматривал требование сотрудника полиции о защите чести, достоинства и деловой репутации³. Уже сам факт появления подобных споров подтверждает тезис о том, что профессиональная деятельность сотрудника полиции становится объектом публичной оценки и обвинительных интерпретаций значительно чаще, чем у большинства иных категорий граждан. Одна-

ко в подобных делах сотрудник, как правило, остается самостоятельным истцом.

В приведенном примере верно отмечено, что сотрудник, как правило, остается самостоятельным истцом. Однако подобная практика противоречит обязанности государства обеспечить правовую защиту своих представителей. Как справедливо подчеркивается в научной литературе, защита чести и достоинства сотрудников ОВД – это не только их личное право, но и неотъемлемая составляющая авторитета государственной власти в целом, а значит, ее обязанность. Приказом МВД России № 850 прямо предписано организовать такую защиту в системе МВД, однако на практике это требование реализуется не в полной мере, что и вынуждает сотрудников обращаться в суд самостоятельно. В этой связи приведем несколько примеров из судебной практики, подтверждающих данную проблему.

Например, в Ханты-Мансийском автономном округе сотрудник полиции обратился в суд с иском о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда к гражданину, который был осужден за публичное оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). Свои требования истец обосновал тем, что испытывал нравственные страдания в виде чувства стыда и унижения⁴.

В Курской области после того, как гражданин публично оскорбил сотрудника полиции в социальной сети, сам сотрудник был вынужден инициировать судебное разбирательство для взыскания компенсации морального вреда⁵.

Из приведенных примеров видно, что каждый раз сотрудники полиции вынуждены были самостоятельно нести бремя судебной защиты, что свидетельствует о недостаточной реализации ведомственных механизмов правовой поддержки.

Ведомственный аналитический обзор за 2025 г. также показывает, что в 2025 г. наибольшую долю исков составили заявления сотрудников в связи с распространением сведений, касающихся их служебной деятельности, тогда как иски в защиту деловой репутации подразделений единичны [1]. Это значит, что правовой

¹ Приговор Симферопольского районного суда Республики Крым от 13 авг. 2020 г. г. по ч. 1 ст. 318 УК РФ. URL: <https://pravoilevo.ru/prigovor-po-ch-1-st-318-uk-rf-primenenie-nasiliya-v-otnoshenii-predstavatelya-vlasti-delo-%E2%84%96-1-163-2020/> (дата обращения: 31.03.2026).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Римского Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 889-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25042024-p-889-o/> (дата обращения: 04.04.2026).

³ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 11 февр. 2014 г. по делу N 33-242/2014. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/122571519/> (дата обращения: 31.03.2026).

⁴ Решение Нижневартковский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 июня 2019 г. по делу № 2-3224/2019 о защите чести и достоинства, компенсации морального вреда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lFkhIYXmGD/> (дата обращения 07.02.2026).

⁵ Курянина осудили за оскорбление полицейского в соцсети // Новости ГТРК «Курск». 15.07.2024. URL: <https://gtrkursk.ru/news/54780-kuryanina-osudili-oskorblenie-policeyskogo-socseti> (дата обращения 07.02.2026).

механизм по приказу МВД России № 850 в большей степени ориентирован на сопровождение индивидуальных конфликтов, чем на системную защиту института службы.

Особую проблему составляет клевета. Как уже ранее отмечалось, после изменения ст. 20 УПК РФ в 2025 г. дела о клевете без квалифицирующих признаков были отнесены к частно-публичному обвинению. Но эта мера может быть эффективной только при условии, что материалы о клевете в отношении сотрудника полиции, связанной с исполнением служебных обязанностей, не будут отсеиваться руководителями правоохранительных органов и прокуратуры и рассматриваться ими как «частный конфликт», в угоду снижению общественного резонанса и неправильно понятым интересам защиты сотрудников ОВД. В противном случае формальная реформа не трансформируется в реальную институциональную защиту.

В сфере служебно-дисциплинарных споров, как показала судебная практика, также проявляется двуединая природа защиты. Суды неоднократно подчеркивали, что сотрудник полиции должен отвечать повышенным требованиям к поведению, а совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, может повлечь прекращение службы¹. Следовательно, государство обязано проводить четкую границу между законной внешней защитой сотрудника и внутренней дисциплинарной реакцией на собственное противоправное или аморальное поведение сотрудника. Отсутствие единых критериев в этой сфере подрывает доверие как внутри службы, так и вне ее. Строгость и принципиальность позиции руководителей ОВД по отношению к сотрудникам, допустившим дисциплинарные и иные нарушения, должны коррелировать с неотвратимостью и суровостью ответственности физических и юридических лиц, допускающих противоправные действия в отношении сотрудников, исполняющих свои обязанности.

Требование усилить защиту сотрудников ОВД не может обосновываться только ссылками на отдельные уголовные дела. Оно должно опираться на данные о кадровом состоянии системы и на показатели реальных потерь. В материалах, посвященных Дню памяти погибших при исполнении служебных обязанностей со-

трудников ОВД, приводятся ориентировочные данные о том, что в 2018 г. при исполнении служебного долга погибло более 400 сотрудников МВД России, в 2019 г. – около 60, в 2022 г. – 44, а в 2023 г. – 11². В начале 2000-х официальные сообщения также фиксировали существенно более высокий уровень потерь, например: в январе 2003 г. МВД России сообщало, что в 2002 г. при задержании преступников погибло более 350 сотрудников милиции³. Даже если эти показатели требуют дополнительной официальной верификации по единой методике, они подтверждают общий вывод: в разные периоды российская полиция несла существенно различающиеся, но всегда социально значимые потери.

В историческом ретроспективном измерении тезис о сотнях погибших сотрудников в отдельные периоды 1990-х и начала 2000-х гг. имеет не только мемориальное, но и аналитическое значение. Он показывает, что в кризисных для государства фазах сотрудник полиции становится одной из первых мишеней организованного насилия. В научной литературе причины гибели сотрудников полиции в конце XX – начале XXI в. связываются с сочетанием высокой криминальной активности, слабой технической оснащенности, недостаточной тактической подготовки и общей нестабильности переходного периода [6, с. 266–267]. Рассматривая современный период, следует отметить, что современные угрозы технологически изменились, но структурно сохранили ту же направленность: дестабилизировать государственный контроль через деморализацию и вытеснение кадрового ядра правоохранительной системы.

Именно здесь вопрос защиты напрямую связан с некомплектом кадров. Е. Л. Власова, исследуя проблемы комплектования дежурных частей ОВД, отмечает, что кадровый дефицит в базовых звеньях оперативного управления ведет не только к росту нагрузки, но и к снижению качества реагирования, перегрузке сотрудников и увеличению количества ошибок [3, с. 11]. А. В. Варлачева и С. Н. Уразалина показывают, что некомплект имеет не только материальные, но и такие организационные, психологические и управленческие причины, как стирание про-

¹ Материалы кассационной практики по делам о проступке, порочащем честь сотрудника органов внутренних дел URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ006&cacheid=01260D6FEC0669DA6E4A4E7D915874FA&mode=splus&n=166481&req=doc&rnd=4uK4Z3Vm668Fldau> (дата обращения: 31.03.2026).

² 8 ноября – День памяти сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, погибших при исполнении служебных обязанностей. URL: <https://www.kcgumvdspsb.ru/2024/11/08/8-nojabrja-den-pamjati-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-rossijskoj-federacii-pogibshih-pri-ispolnenii-služebnyh-objazannostej/> (дата обращения: 31.03.2026).

³ В 2002 г. погибли более 350 сотрудников МВД // РБК. 13.01.2003. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/01/2003/5703ba7e9a7947afa08c78d6> (дата обращения: 03.04.2026).

фессионального престижа, конфликт между интенсивностью нагрузки и уровнем институциональной поддержки, недостаточная работа по сохранению кадрового ядра [2, с. 173–174].

Приведенные данные указывают на то, что защита сотрудника ОВД – это не периферийная социальная гарантия, а один из факторов кадровой устойчивости. Если сотрудник убежден, что в случае клеветы, доксинга, угроз, насилия или давления на членов семьи он будет вынужден действовать практически самостоятельно, служба начинает восприниматься как профессионально и лично невыгодная. В этом смысле институт защиты сотрудников становится элементом кадровой политики.

Для поиска способов решения описываемых проблем обратимся к зарубежному опыту. Он представляет интерес прежде всего как положительные способы институционализации защиты, обеспечивающей такое состояние, при котором сотрудник правоохранительного органа не остается один на один с внешним посягательством. В США сегодня внимание последовательно смещается к цифровой безопасности сотрудника и его семьи. Например, Бюро содействия правосудию Министерства юстиции США в своих методических материалах подчеркивает, что персональные данные полицейских и членов их семей используются для таргетирования, преследования, финансового мошенничества и физического воздействия, а потому защита должна начинаться с управления цифровым следом, а не только с последующего расследования уже совершенного посягательства [20]. Американская модель полезна тем, что рассматривает цифровую уязвимость как компонент служебной безопасности.

В Великобритании важное значение имеет институционализация реагирования на сетевое преследование и злоупотребления. Так, в руководствах английским полицейским по безопасному использованию сети Интернет и по расследованию киберпреступлений подчеркивается необходимость ранней фиксации электронных доказательств, квалифицированного персонального инструктажа сотрудников и единых процедур эскалации цифровых угроз [15; 18]. Для российской системы МВД здесь особенно ценен не сам набор терминов, а принцип – у каждой угрозы должен быть заранее установленный организационный маршрут реакции.

Французская модель интересна институтом *protection fonctionnelle* – функциональной защиты публичного служащего администрацией.

Смысл этого механизма заключается в том, что при нападении, угрозе, клевете или публичном оскорблении, связанном с исполнением служебных обязанностей, административный орган обязан оказать служащему правовую и иную поддержку, включая покрытие расходов на защиту и процессуальное сопровождение [17]. В сравнении с российской моделью это особенно важно: во Франции защита репутационных благ публичного служащего не воспринимается исключительно как его личное дело.

Израильский опыт показателен в части межведомственного реагирования на цифровые угрозы. Национальная линия 105 (аналог российской службы 112) и профильные подразделения в круглосуточном режиме реагируют на цифровые угрозы, поступающие в адрес как полицейских, так и граждан. Например, одной из их задач является оказание помощи защищаемым лицам в удалении вредоносного контента, а также проведение профилактических и правоохранительных мероприятий, позволяющих оперативно реагировать на онлайн-угрозы, включая выявление угрозоносителей и пресечение их деятельности [16; 19]. Хотя указанная модель ориентирована прежде всего на защиту несовершеннолетних, сама логика – немедленное принятие сигнала, межведомственное сопровождение, помощь в удалении контента и стандартизация реакции – может быть адаптирована и для защиты сотрудников МВД России от доксинга, фейков и сетевого преследования.

Обобщение зарубежного опыта позволяет сформулировать четыре практических вывода для российской модели: 1) цифровая безопасность сотрудника должна быть признана частью служебной безопасности; 2) сопровождение дел о клевете и публичной дискредитации должно быть институциональным, а не только консультационным; 3) должны существовать специализированные каналы оперативной фиксации и маршрутизации цифровых угроз; 4) защита распространяется не только на сотрудника, но и на членов его семьи как на уязвимое продолжение публичного статуса сотрудника.

Обсуждения и заключения

Проведенное исследование позволяет заключить, что защита сотрудников ОВД выступает самостоятельным механизмом поддержания устойчивости государственной власти. Ее слабость демотивирует личный состав, повышает текучесть кадров, снижает готовность прини-

мать законные властные решения в конфликтной среде и создает условия для целенаправленной дискредитации ОВД.

В целях устранения выявленных недостатков представляется необходимым реализовать следующие меры:

1. На нормативном уровне изменить модель приказа МВД России № 850, закрепив обязательное институциональное участие органа МВД России в защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудника, если посягательство непосредственно связано с исполнением им служебных обязанностей. Сотрудник не должен оставаться единственным носителем процессуальной инициативы в гражданском споре.

2. Дополнить приказ МВД России № 850 самостоятельным разделом о цифровых угрозах: доксинге, дипфейках, публикации персональных данных, сетевой травле, координированной дискредитации в социальных сетях и мессенджерах. Для каждого из этих случаев должны быть определены сроки реагирования, субъекты проверки, порядок фиксации цифровых следов и алгоритм взаимодействия ОСБ, правовых подразделений и подразделений информации и общественных связей.

3. Установить межфункциональный стандарт деятельности субъектов защиты внутри системы МВД России. Такой стандарт должен четко распределять компетенцию между ОСБ, кадровыми подразделениями, инспекцией по личному составу, правовыми подразделениями и пресс-службами, а также вводить единые формы итогового решения: опровержение, иск, сообщение в следственные органы, государственную защиту, кризисное информационное реагирование.

4. Включить в систему профессиональной подготовки сотрудников обязательный модуль по личной и цифровой безопасности, охватывающий управление цифровым следом, защиту членов семьи, правила реагирования на сетевую дискредитацию, фиксацию электронных доказательств и тактику поведения в условиях публичной провокации.

5. На уровне уголовной политики и судебной практики обеспечить более последовательный учет публично-правовой природы преступлений, предусмотренных ст. 317–319 УК РФ. Насилие и публичное оскорбление представителя власти должны оцениваться не как бытовой эпизод, а как посягательство на порядок управления; это предполагает отказ от практики неоправданно мягких санкций в случаях рецидива,

опьянения, группового характера деяния и совершения преступления при пресечении правонарушения.

6. Разработать отдельный ведомственный порядок защиты членов семей и близких лиц сотрудников ОВД, включая алгоритм реагирования на угрозы детям, телефонный терроризм, публикацию домашнего адреса и иных персональных данных, а также меры кризисной психологической помощи.

7. Усилить аналитическую функцию ГУСБ МВД России в части ежегодной публично доступной отчетности по угрозам сотрудникам ОВД. Даже в ограниченном объеме необходимо регулярно публиковать верифицированные данные о наиболее распространенных формах посягательств, динамике судебной защиты, количестве инцидентов цифровой дискредитации и практике применения мер государственной защиты.

8. Рассматривать защиту сотрудников ОВД как элемент кадровой политики. В оценке причин некомплекта необходимо учитывать не только денежное довольствие, но и степень реальной институциональной поддержки сотрудника, его защищенность в конфликтах, предсказуемость правовой помощи и уверенность в том, что за законно действующим сотрудником действительно стоит государство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитический обзор, характеризующий деятельность субъектов обеспечения собственной безопасности в системе МВД России по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в 2025 году. М. : ГУСБ МВД России, 2026. 8 с.
2. Варлачева А. В., Уразалина С. Н. Комплектование органов внутренних дел: проблемы, вызовы и педагогические решения в условиях современной России // Педагогика и просвещение. 2025. № 3. С. 168–178.
3. Власова Е. Л. Проблемы комплектования дежурных частей органов внутренних дел и способы их решения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 10, № 1 (19). С. 7–12.
4. Губенков А. О. Некоторые аспекты обеспечения личной безопасности близких родственников сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Автономия личности. 2025. № 1 (34). С. 15–20.
5. Егорова Т. И. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 51–55.
6. Киселёв А. К. Современная история: ещё раз о причинах гибели полицейских // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1 (39). С. 265–274.
7. Личная безопасность в деятельности сотрудников органов внутренних дел / А. А. Кочин, В. В. Горбатов, С. А. Горелов [и др.]. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2018. 124 с.

8. Малыгина Т. А. К вопросу о детерминации коррупции в ОВД России // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3(94). С. 42–47.

9. Плешакова О. В. Личность преступника, совершающего преступные посяательства в отношении сотрудников органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 149–154.

10. Рябченко О. Н. К вопросу о наказании за насильственные преступления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ // Пенитенциарная наука. 2017. № 4 (40). С. 52–58.

11. Сидорова Е. З. Современные криминологические характеристики цифровой преступности (цифровой преступник и его жертва) // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3(102). С. 70–78.

12. Сидорова Е. З., Усов Е. Г. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение (часть 1) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 89–93.

13. Чагин И. Б., Шабаетова О. А. Право на защиту от негативного информационного воздействия в сети Интернет: теоретико-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2(101). С. 17–22.

14. Facing Reality? Law Enforcement and the Challenge of Deepfakes. Europol Innovation Lab. 23 p. URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Europol_Innovation_Lab_Facing_Reality_Law_Enforcement_And_The_Challenge_Of_Deepfakes.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

15. Guidelines on the Safe Use of the Internet and Social Media by Police Officers and Staff. College of Policing. URL: <https://library.college.police.uk/docs/ACPO/safe-use-of-the-Internet-Feb-2013.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

16. Police Unit 105 | Child Online Protection Bureau. Government of Israel. URL: https://www.gov.il/en/departments/units/operational_unit (дата обращения: 31.03.2026).

17. Protection fonctionnelle des agents publics. Ministère de la Fonction publique. URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F32574> (дата обращения: 31.03.2026).

18. Stalking or Harassment: Advice for Investigators on Prosecuting Cases Involving Police Single Point of Contact. College of Policing. URL: <https://assets.college.police.uk/s3fs-public/2024-07/Stalking-or-harassment-advice-for-investigators.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

19. The 105 Hotline | Child Online Protection Bureau. Government of Israel. URL: https://www.gov.il/en/departments/units/105_call_center (дата обращения: 31.03.2026).

20. Understanding Digital Footprints: Protecting Law Enforcement from Doxing. Bureau of Justice Assistance, U. S. Department of Justice. URL: <https://bja.ojp.gov/doc/understanding-digital-footprints.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

REFERENCES

1. Analiticheskij obzor, harakterizuyushchij deyatelnost subektov obespecheniya sobstvennoj bezopasnosti v sisteme MVD Rossii po zashchite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, federalnyh gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih i rabotnikov sistemy MVD Rossii v 2025 godu [Analytical review characterizing the activities of entities ensuring their own security in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia to protect the honor, dignity and business reputation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, federal state civil servants and employees of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2025. Moscow, Main Directorate of Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2026, 8 p. (in Russian)]

2. Varlacheva A.V., Urazalina S.N. Komplektovanie organov vnutrennih del: problemy, vyzovy i pedagogicheskie resheniya v usloviyah sovremennoj Rossii [Staffing of internal affairs bodies: problems, challenges and pedagogical solutions in the context of

modern Russia]. *Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and education], 2025, no. 3, pp. 168–178. (in Russian)

3. Vlasova E.L. Problemy komplektovaniya dezhurnyh chastej organov vnutrennih del i sposoby ih resheniya [Problems of staffing duty units of internal affairs bodies and ways to solve them]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2025, vol. 10, no. 1 (19), pp. 7–12. (in Russian)

4. Gubnikov A.O. Nekotorye aspekty obespecheniya lichnoj bezopasnosti blizkih rodstvennikov sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoj aspekt [Some Aspects of Ensuring the Personal Safety of Close Relatives of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Theoretical and Legal Aspect]. *Avtonomiya lichnosti* [Autonomy of the Individual], 2025, no. 1 (34), pp. 15–20. (in Russian)

5. Egorova T.I. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Protection of the Honor, Dignity and Business Reputation of an Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation]. *Pravo: retrospektiva i perspektiva* [Law: Retrospective and Prospect], 2020, no. 2 (2), pp. 51–55. (in Russian)

6. Kiselev A.K. Sovremennaya istoriya: eshcho raz o prichinah gibeli policejskikh [Modern History: Once Again on the Causes of Death of Police Officers]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* [Leningrad Law Journal], 2015, no. 1 (39), pp. 265–274. (in Russian)

7. Kochin A.A., Gorbato V.V., Gorelov S.A. et al. Lichnaya bezopasnost v deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennih del [Personal Safety in the Activities of Employees of the Internal Affairs Bodies]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018, 124 p. (in Russian)

8. Malykhina T.A. K voprosu o determinacii korruptcii v OVD Rossii [On the Determination of Corruption in the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2021, no. 3 (94), pp. 42–47. (in Russian)

9. Pleshakova O.V. Lichnost prestupnika, sovershayushchego prestupnye posyagatelstva v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del [Personality of the Criminal Committing Criminal Attacks against Employees of the Internal Affairs Bodies]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2 (49), pp. 149–154. (in Russian)

10. Ryabchenko O.N. K voprosu o nakazanii za nasilstvennye prestupleniya, predusmotrennye st. 317 i 318 UK RF [On the Issue of Punishment for Violent Crimes Under Articles 317 and 318 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Penitenciarная nauka* [Penitentiary Science], 2017, no. 4 (40), pp. 52–58.

11. Sidorova E.Z. Sovremennye kriminologicheskie karakteristiki cifrovoj prestupnosti (cifrovoj prestupnik i ego zhertva) [Modern criminological characteristics of digital crime (digital criminal and his victim)]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2023, no. 3 (102), pp. 70–78. (in Russian)

12. Sidorova E.Z., Usov E.G. Cifrovaya prestupnost: ponyatie, kriminologicheskaya harakteristika, preduprezhdenie (chast 1) [Digital crime: concept, criminological characteristics, prevention (part 1)]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2024, no. 2 (105), pp. 89–93. (in Russian)

13. Chagin I.B., Shabaeva O.A. Pravo na zashchitu ot negativnogo informacionnogo vozdejstviya v seti Internet: teoretiko-pravovoj aspekt [The right to protection from negative information impact on the Internet: theoretical and legal aspect]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2023, no. 2 (101), pp. 17–22. (in Russian)

14. Facing Reality? Law Enforcement and the Challenge of Deepfakes. Europol Innovation Lab. 23 rub. Available at: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Europol_Innovation_Lab_Facing_Reality_Law_Enforcement_And_The_Challenge_Of_Deepfakes.pdf (date of access: 03/31/2026).

15. Guidelines on the Safe Use of the Internet and Social Media by Police Officers and Staff. College of Policing. Available at:

<https://library.college.police.uk/docs/ACPO/safe-use-of-the-Internet-Feb-2013.pdf> (date of access: 31.03.2026).

16. Police Unit 105 | Child Online Protection Bureau. Government of Israel. Available at: https://www.gov.il/en/departments/units/operational_unit (date of access: 03/31/2026).

17. Protection fonctionnelle des agents publics. Ministère de la Fonction publique. Available at: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F32574> (date of access: 03/31/2026).

18. Stalking or Harassment: Advice for Investigators on Prosecuting Cases Involving Police Single Point of Contact. College of Policing. Available at: <https://assets.college.police.uk/s3fs-public/2024-07/Stalking-or-harassment-advice-for-investigators.pdf> (date of access: 31.03.2026).

19. The 105 Hotline | Child Online Protection Bureau. Government of Israel. Available at: https://www.gov.il/en/departments/units/105_call_center (date of access: 03/31/2026).

20. Understanding Digital Footprints: Protecting Law Enforcement from Doxxing. Bureau of Justice Assistance, U.S. Department of Justice. Available at: <https://bja.ojp.gov/doc/understanding-digital-footprints.pdf> (date of access: 03/31/2026).

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 11.06.2026; принята к публикации 13.08.2026

Received on 13.04.2026; approved on 11.06.2026; accepted for publication on 13.08.2026

Кнаус Олег Андреевич – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники ОВД, Восточно-Сибирский институт МВД России (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110), РИНЦ Author ID: 994982, e-mail: knaus.oleg@yandex.ru

Knaus Oleg Andreevich – Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Ministry of Internal Affairs, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (110, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), RSCI Author ID: 994982, e-mail: knaus.oleg@yandex.ru

Кузнецов Евгений Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0002-0615-1251, РИНЦ Author ID: 212790, e-mail: kev300579@gmail.com

Kuznetsov Evgeny Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-0615-1251, RSCI Author ID: 212790, e-mail: kev300579@gmail.com

Ступницкий Александр Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4); доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А), РИНЦ Author ID: 800332, e-mail: czubary@rambler.ru

Stupnitsky Alexander Evgenievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (4, Nekrasov st., Irkutsk, 664011, Russian Federation); Associate Professor of the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines, East Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (23A, Ivan Franko st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), RSCI Author ID: 800332, e-mail: czubary@rambler.ru

Вклад авторов

Кнаус Олег Андреевич – концепция статьи, сбор и изучение эмпирического, теоретического материала, написание, обсуждение текста статьи, утверждение итогового варианта.

Кузнецов Евгений Викторович – концепция статьи, сбор и изучение эмпирического, теоретического материала, написание, обсуждение текста статьи, утверждение итогового варианта.

Ступницкий Александр Евгеньевич – сбор и изучение эмпирического, теоретического материала, обсуждение текста статьи.